

Клим Руднев

УЧЕНИК ЯГИ

18+

Клим Руднев

Ученик Яги

«Автор»

2026

Руднев К.

Ученик Яги / К. Руднев — «Автор», 2026

Сын кузнеца Святослава, Буян, - обычный парень. Мечтал попасть в Академию Механиков, где учат читать чертежи и собирать «умные» механизмы. По дороге в Академию на семью напали кибер-волки, родители погибли на глазах у мальчика, а сам он пришел в себя в доме ведьмы. Без руки мечта стать инженером накрылась медным тазом. А на ее место пришла другая - отомстить за смерть родителей. Буян стал учеником ведьмы. Она «подлатала» его - заменила утраченные органы механическими и научила охотиться на нечисть. Мальчик повзрослел и теперь идет по следу механических волчьих лап. Но чем дальше в лес, тем толще морды этих волков. Он просто хотел найти убийцу родителей, а теперь придется спасать все княжество.

© Руднев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел и кости	5
Часть 1. ТЕНЬ НАД ПРОШЛЫМ	8
Глава 2. Стая железных клыков	13
Глава 3. Пробуждение в избушке	17
Глава 4. Наследие кузнеца	21
Глава 5. Уроки Лесной ведьмы	24
Глава 6. Прощальный след	28
ЧАСТЬ 2. МИР РАСКОЛОТЫХ ЛЮДЕЙ.	32
Глава 7. Чужой среди своих	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Клим Руднев

Ученик Яги

Пролог. Пепел и кости

Дым от горящей усадьбы поднимался к небу, едким облаком, цепляясь за пожелтую осеннюю листву и смешиваясь с холодным белесым туманом, поднимающимся с ближайших болот. Он был густым и удушающим, пахло гарью, деревом и чем-то сладковато-приторным, от чего першило в горле и слезились глаза — запахом горелой плоти. Небо, обычно ясное над этими землями, было затянуто грязно-багровой дымной пеленой, сквозь которую тускло пробивалось осеннее солнце, окрашивая мир в зловещие, апокалиптические тона.

Мальчик, не старше десяти лет, сидел на корточках на краю поляны, вцепившись пальцами в холодную, влажную землю. Его одежда была порвана и испачкана сажей, лицо покрыто полосами грязи и слез, которые он уже перестал вытирать. Он больше не плакал. Слезы, казалось, высохли, выгорели вместе с домом, в котором он родился, вместе с телами родителей, чьи обгоревшие, почерневшие силуэты он навсегда запечатлел в памяти, мельком увидев их сквозь поваленную, дымящуюся дверь. Его мир, такой прочный и надежный всего несколько часов назад, мир, состоявший из тепла большого камина, материнских тихих колыбельных по вечерам и суровых, но справедливых отцовских уроков владения мечом на заре, обратился в пепел и прах. В буквальном смысле. Он смотрел на груды дымящихся головешек, которая еще недавно была его домом, и не мог осознать масштаб потери. Все, что он любил, все, что знал, было уничтожено. Остался только он. Один. И всепоглощающая, леденящая душу пустота, которую постепенно начинала заполнять странная, холодная ярость. Ярость, для которой у него не было ни сил, ни слов, ни понимания, куда ее направить.

Напали на рассвете. Когда первый слабый свет только начал пробиваться сквозь щели ставней, а в доме царила тихая, предрассветная дрема. Не солдаты соседнего барона, не шайка голодных разбойников. Нечто иное, не поддающееся описанию. Люди-тени в черных, скрипучих, словно хитиновые, доспехах, которые не отражали свет, а, казалось, поглощали его. Их лица были скрыты за странными, лишенными выражения масками, а руки... руки заканчивались не пальцами, а изогнутыми лезвиями, щупальцами из живой, переливающейся стали и какими-то странными, шипящими инструментами. Они двигались бесшумно, не переговариваясь, их появление было похоже на нашествие призраков, порождение кошмара. Они убивали беззвучно, эффективно. Сначала пали стражники у ворот — их крики были короткими и быстро оборвавшимися. Потом загорелись хлева. Поднялась паника, мычание скота, крики служанок.

Отец, могучий барон Морван, выскочил из спальни с родовым двуручным мечом в руках. На лице отпечаток не страха, а гнева.

— К матери! — крикнул он сыну, прежде чем броситься навстречу незванным гостям. Мальчик, повинаясь инстинкту, побежал в покои матери, но по пути споткнулся о тело старого управителя Горма, лежавшего в луже крови. Его глаза были широко открыты и полны ужаса.

Он застал мать в ее комнате. Она, бледная, но собранная, пыталась открыть потайной лаз за гобеленом. Увидев сына, она обняла его, прижала к себе.

— Тихо, Морван, тихо, все будет хорошо, — шептала она, но ее голос дрожал. В этот момент дверь в комнату с грохотом распахнулась. На пороге стояла одна из тех теней. Его отец сражался в сенях, отчаянно, с яростью обреченного, его стальной, закаленный клинок ломался о тела нападавших, как тонкое стекло, издавая пронзительный, неестественный звук. Тварь в дверях сделала шаг вперед. Мать, не раздумывая, резко оттолкнула сына в угол, за тяжелый

сундук, а сама бросилась навстречу убийце, пытаясь отвлечь его. Мальчик не видел, что произошло дальше. Он только слышал ее крик, короткий и страшный, и влажный, чавкающий звук. Потом тень ушла, оставив после себя лишь тишину и запах крови.

Он не знал, сколько просидел, затаившись. Мир сжался до размеров темного угла за сундуком. Звуки боя затихли, сменившись треском пожара. Жар становился все нестерпимее. Он выполз из укрытия. Комната была пуста, если не считать неподвижного тела матери, лежавшего на полу в неестественной позе. Он не посмел подойти ближе. Через распахнутые двери он видел, как огонь пожирал горницу. Он побежал, спотыкаясь, через черный ход, мимо тел слуг, и вырвался наружу, на свежий воздух, который, однако, был густым и едким от дыма.

Он просидел рядом с догорающим домом до самого вечера, не в силах сдвинуться с места, впиваясь пальцами в землю, словно пытаясь ухватиться за что-то реальное, за саму почву, которая, казалось, осталось единственной приметой прежней жизни. Мир стал серым, беззвучным и невероятно холодным, несмотря на жар пожара. Он чувствовал только ту самую холодную безмолвную ярость. Она росла внутри него, как кристалл льда, заполняя пустоту, вытесняя страх и боль. Ярость на тех, кто это сделал. Ярость на свою беспомощность. Ярость на весь мир, позволивший этому случиться.

Сумерки сгущались, окрашивая пепелище в синеватые тона. Дым стал редеть. И вот, из лесной чащи на противоположной стороне поляны, словно вырастая из самого мрака, вышла фигура. Это была старуха. Высокая, худая до истощения, ее фигура напоминала скрюченный ураганом ствол старого дерева. Она была облачена в длинный, до пят, плащ из грубо сшитых шкур незнакомых зверей, украшенный пучками мха, сухими кореньями и птичьими перьями. Ее лицо было испещрено глубокими, как ущелья, морщинами, а длинные, спутанные волосы цвета воронова крыла были перехвачены медной проволокой. Но больше всего поражали ее глаза: они горели острым, живым, почти молодым огнем, который странно контрастировал с ее дряхлым телом. Она пахла болотной водой, дымом костра из сырых веток и чем-то резким, металлическим, словно сама только что вышла из кузницы.

Она подошла к мальчику, ее движения были плавными и бесшумными, несмотря на возраст. Она остановилась в паре шагов от него, и ее пронзительный взгляд изучил его, скользя по обгоревшей одежде, грязному лицу, застывшему в маске шока.

— Сидишь. — Ее голос был похож на скрип старого дерева на ветру, низкий и дребезжащий. — Ждешь, пока сам окочуришься от холода и горя? Или, может, пока они вернуться, чтобы закончить начатое? Забрали и тебя, как забрали твоих родителей?

Мальчик медленно поднял на нее взгляд. В его глазах не было ни капли страха. Только все та же пустота, и на ее дне — холодное, безрассудное пламя ярости.

— Кто? — просипел он, и его собственный голос показался ему хриплым и чужим. — Кто они?

— Те, для кого плоть — лишь сырье, глина для лепки, — ответила старуха, не отводя от него взгляда. — Те, кто служит культуре Яг, поклоняется Болотному Императору в его металлической обители. Они приходят за живым материалом. Для своих опытов, для своих чудовищных механизмов. Они забрали твоих родителей. Забрали бы и тебя, будь ты постарше и покрепче. Твое юное тело еще не представляет для них ценности. Ты — брак. Отходы.

Она сделала шаг ближе, и теперь он разглядел, что ее длинные костлявые руки были не совсем обычными: от кончиков пальцев и до второй фаланги они были покрыты тончайшими, как змеиная кожа, чешуйками бледного, матового металла, сращенного с кожей так, что было невозможно понять, где заканчивается плоть и начинается сталь.

— Ярость — плохое топливо, дитя, — продолжала она, и в ее голосе прозвучала не то насмешка, не то жалость. — Сгораешь быстро, ярко, и ничего после себя не оставляешь, кроме горстки пепла. Хочешь мстить? По-настоящему? Не просто умереть с мыслью о мести, а прожить ради нее, пройти через все испытания и выйти из него победителем? Для этого нужна

сила. Не та, что в мышцах, не мимолетная вспышка гнева. Другая. Постоянная, неубиваемая. Та, что будет с тобой всегда, в жару и в холод, в болезни и в здравии.

Она протянула к нему свою странную, полуметаллическую руку. Ее пальцы были длинными и цепкими.

— Я могу дать тебе эту силу. Я знаю путь. Но плата за нее будет... окончательной. Безвозвратной. От своего прошлого, от своего имени, от своей слабости, от самой своей человечности придется отказаться. Решай сейчас. Иди за мной, и я сделаю из тебя оружие, перед которым будут трепетать твои враги. Или останься здесь, и ночной ветер скоро развеет твой прах вместе с пеплом твоих родителей. Выбор за тобой.

Мальчик посмотрел на догорающие угли своего дома. Он видел, как последнее бревно с шипением рухнуло внутрь, поднимая сноп искр. Он взглянул на свои тонкие беспомощные детские руки, которые не смогли ни защитить, ни отомстить. Он не хотел умирать. Он хотел жить. Но не той жизнью, что была раньше. Ее больше не существовало. Он хотел жить, чтобы уничтожить тех, кто это сделал. Всех. До единого. Чтобы никто и никогда больше не испытал той боли и ужаса, что испытал он.

Он медленно, с невероятным усилием, поднялся на ноги. Ноги дрожали, подкашивались. Он сделал шаг, потом другой. И положил свою маленькую грязную холодную ладонь в ожидающую ее холодную металлическую длань. Холодок от прикосновения прошел по его руке до самого плеча, словно тонкая игла впиалась в сердце.

— Меня зовут Морван, — сказал он, прощаясь с тем мальчиком, которым был до.

— Теперь это не имеет никакого значения, — ответила старуха, и ее пальцы сомкнулись вокруг его руки с неожиданной силой. — С этого дня для всех, для врагов и для друзей, для мира и для тебя самого, ты будешь Мрааком. Ибо из мрака ты пришел и мрак же будешь нести своим врагам. Тень, что не знает пощады. Орудие, что не ведает усталости. Иди.

И она повернулась, увлекая его за собой в стужающиеся сумерки, в сторону болот и темного, непроглядного леса. Он не оглянулся. Смотреть было не на что. Позади оставался лишь пепел. И кости.

Часть 1. ТЕНЬ НАД ПРОШЛЫМ

Глава 1. Дорога в столицу

Солнце, огромное и багровое, неспешно клонилось к зазубренному гребню дальних холмов, окрашивая небо в глубокие, торжественные тона расплавленной меди и тлеющего золота. Длинные тени от вековых сосен ложились на дорогу, превращая ее в полосатый, зыбкий коридор, уводящий в неизвестность. Сам путь, больше похожий на забытую всеми колею, извивался меж холмов, поросших могучими, замшелыми великанами, чьи смолистые ароматы смешивались со сладковатым, пыльным запахом нагретой за день земли и увядающих полевых цветов. Воздух был густым, почти осязаемым, наполненным предвечерним зноем и звенящей тишиной, нарушаемой лишь стрекотом кузнечиков да редким пересвистом невидимых в кронах птиц.

Именно на одной из самых крутых и разбитых излучин, там, где глина после недавнего ливня превратилась в коварную, липкую трясику, их нехитрый, но добротный воз и застрял. Левое заднее колесо ушло в черную жижу по самую ступицу, отчаянно булькая, и телега, груженная незамысловатым скарбом и кузнечным инструментом, безнадежно накренилась.

— Держи крепче, сынок, не ослабляй! — раздался низкий, но на удивление спокойный голос отца, Святослава. Он был крупным, могучего сложения мужчиной, чье тело испещрили не только шрамы от искр и ожогов, но и причудливые стальные прожилки имплантов, вросших в плоть. Он упирался плечом и всей массой тела в грубый, некрашенный борт, стараясь сдвинуть непослушную тяжесть с места. Мускулы на его живой руке вздулись буграми, а на металлической, под тонкой кожей, пробежала едва заметная рябь.

Буян, мальчик лет двенадцати с живыми, смысленными глазами и густой, вечно взъерошенной шевелюрой цвета спелой ржи, изо всех своих еще не окрепших сил налегал на противоположный борт. Его простая холщовая рубашка давно промокла от пота и прилипла к спине, а на ладонях зияли красные ссадины.

— Я держу, тятя! Изо всех сил! — сквозь стиснутые зубы, с напряжением, выговорил он, чувствуя, как дрожат от натуги его ноги.

Телега с душераздирающим скрипом и чавканьем сдвинулась с места на пару пальцев, но колесо, описав в грязи короткую дугу, снова безнадежно заскользило, засасываясь еще глубже. Святослав с громким выдохом отступил, тяжело дыша, его широкая грудь ходила ходуном. Он смахнул со лба, покрытого сетью морщин, крупные капли пота, и последний луч заходящего солнца ослепительно блеснул на сложной поверхности его кибернетической правой руки — причудливом сплаве отполированного до зеркального блеска металла и тончайшей, похожей на древнее письмо вязи, что напоминала старославянские обережные символы.

— Никак не выходит, уперлась, как черт. Ну ничего, сын, не печалься. Всякому горю помочь можно. Поддай-ка мне мой «Громовержец» и деревянный клин, что лежит под сиденьем, он в кожаном чехле.

Буян, словно юркий заяц, проворно юркнул под деревянные козлы, и через мгновение вернулся, с трудом неся тяжеленный, с массивной головой кузнечный молот и большой, заскорузный клин из твердого дуба. Святослав оглядел положение колеса опытным, цепким взглядом кузнеца, нашел единственно верную точку опоры и не спеша, но с невероятной точностью, несколькими сокрушительными ударами вогнал клин глубоко под завязшее колесо. Земля с хлопаньем уступила.

— Вот так-то лучше. Теперь, с божьей помощью, попробуем еще разок. Марин, милая, подсоби нам, поднажми с той стороны!

Из-под полога телеги выглянула женщина. Ее лицо, когда-то красивое, теперь было отмечено печатью усталости и долгих дорог, но в глазах светились бездонное терпение и доброта. Она молча, с той тихой внутренней силой, что свойственна лишь матерям, уперлась руками в дерево, и втроем, слившись в одной усилки, они наконец-то, с громким чмоканьем, вытащили тяжелое колесо на твердую, утопанную землю. Буян, тяжело и прерывисто дыша, почти без сил повалился на мягкую, прохладную траву у обочины.

— Спасибо тебе, Буян, родной, — тепло улыбнулась мать, нежно поправляя ему мокрые от пота волосы. — Без твоей помощи тятя один бы не справился, совсем измучился бы.

— Еще бы, — усмехнулся Святослав, опускаясь рядом на корточки, и с наслаждением залпом хлебнул прохладную воду из дорожного бурдюка. — А с хорошим, смышленным помощником любая, даже самая неподъемная работа — в радость и спорится. Видел, сынок, как важно было вогнать клин именно под этим углом, чуть в сторону? Не прямо, а с умом? Запомни: грубая сила — ничто без смекалки. Умный на гору не пойдет, умный гору обойдет.

— Видел, тятя, — с гордостью кивнул Буян, с восторгом глядя на отца, на его сильные, умелые руки. — Я все запомнил.

— Молодец. Ну, а мы далеко ли от Светлогорска-то отъехали? — спросил он, переводя дух и оглядывая окрестности.

Святослав прикрыл глаза, мысленно прикидывая пройденный путь, его взгляд скользнул по дороге, убегающей в сторону потемневшего леса.

— Еще дня три, а то и все четыре, пути, если, конечно, колеса на каждой кочке терять не будем да дожди нас не застигнут. — Он ободряюще хлопнул сына по плечу своей живой мозолистой ладонью. — Но ничего, дотянем. А там, в столице, тебе, парень, дорога прямая открыта. Вся жизнь впереди.

Пока отец, кряхтя, осматривал ось и ступицу на предмет повреждений, Буян подошел к матери, которая, достав из телеги припасы и походный очажок, начала неспешно готовить незатейливый ужин — варить похлебку с вяленным мясом и кореньями.

— Как ты говорила, есть школы для всех? Совсем для всех? Даже для таких, как я, простых? — с надеждой спросил он, невольно глядя на свои пока еще детские, но уже крепкие и ловкие руки.

Марина ласково взглянула на него, и в ее глазах заплескалась нежность и какая-то грустная радость.

— Правда, сынок, не обманываю. Говорят, князь наш, Витовт, — великий делатель и прозорливец. При нем и Академию Механиков новую открыли, дивной красоты, и школы понастроили по всему княжеству. Там тебя, голубчик, научат не только грамоте да счету, но и разбираться в самых хитрых машинах, чертежи читать, как открытую книгу. Ты ведь у нас с золотыми руками, все тебе удастся, все спорится.

— Как у тяти? — с затаенным дыханием и горящими глазами переспросил Буян.

— Как у тяти, — тепло улыбнулась она, помешивая похлебку. — Только, гляди, своим, особым путем пойдешь. Он — кузнец, душу металлу в огне и на наковальне покоряет. А ты, авось, инженером станешь или архитектором. Будешь такие диковинные механизмы создавать, что людям жизнь станет легче и светлей. Мосты через бурные реки строить, или машины, что сами пашут да жнут, или... — она на мгновение замолчала, подбирая нужные слова, — или новые, умные протезы, которые не будут ломаться, не будут болеть и гноиться. Чтобы никто — слышишь? — никто не мучился от того, что ему пришлось плоть на сталь менять.

Буян задумался, его взгляд упал на стальную, покрытую вязью руку отца, которая, он знал, порой в непогоду или от усталости причиняла Святославу тупую, ноющую боль.

— Я бы очень хотел, чтобы никто не болел, — тихо, почти шепотом, сказал он. — Я бы очень хотел помогать.

— Я знаю, родной, я вижу. — Мать нежно обняла его за плечи, прижав к себе. — Потому мы в этот неблизкий путь и отправились. Ради твоего будущего. Чтобы ты не в нашей глухой, богом забытой деревне век за плугом тянул или у горна стоял, а чтобы дело твое, умное и доброе, на весь белый свет славилось и людям на пользу шло.

В этот самый момент сзади, со стороны, откуда они только что приехали, словно из-под земли, послышался скрип несмазанных осей, глухой топот множества ног и приглушенный, усталый гул голосов. На дорогу, огибая холм, медленно выехал караван. Но это был не обычный торговый обоз, не купеческий поезд с тюками товаров. Нет. Неказистые, выдавшие виды повозки, кое-как запряженные тощими, усталыми лошаденками, были до самого верха нагружены бедным, наскоро собранным домашним скарбом: старыми сундуками, прялками, глиняными горшками, даже клетками с немудреным птичьим добром. И люди, что брели рядом с ними, опустив головы, выглядели отнюдь не торговцами или паломниками. Это были беженцы. И почти у каждого, будь то мужчина, женщина или даже ребенок, были видны механические импланты, заменявшие утраченные части тела. У одного молодого парня начищенная до блеска металлическая рука неестественно болталась при ходьбе, у сгорбленного старика был сложный, но явно доработанный кустарно протез ноги с потрескавшимися шарнирами, у женщины, прижимавшей к груди спящего ребенка, вместо уха было вживлено сложное кибернетическое устройство, похожее на раковину. Они шли, не глядя по сторонам, и на их запыленных, осунувшихся лицах читалась не простая усталость, а глубокая выжженная отрешенность и горечь.

Святослав, увидев их, медленно поднялся с земли, и его широкое, открытое лицо омрачилось, на лбу залегла глубокая складка. Он сделал несколько шагов вперед и властным жестом остановил предводителя каравана — сурового, крепко сбитого мужчину лет сорока, чье лицо наполовину скрывал массивный, местами потертый протез, заменявший ему скулу, челюсть и, видимо, часть черепа.

— Мир вашему дому, путники, — произнес Святослав, и в его голосе прозвучало неподдельное участие. — Не извольте гневаться, скажите, откуда путь-дорогу держите? И куда?

Мужчина остановился, смерив его коротким, усталым, но цепким взглядом. Его живой глаз сузился.

— Из Светлогорска. Бежим. Ищем, где преклонить голову, где землю пахать да детей растить можно без опаски.

— Из самой столицы? — не скрывая удивления, переспросил Святослав. — Да мы как раз туда, в Светлогорск-град, путь держим. Что же вы, добрые люди, с такими-то знаниями да умениями, какие в вас, видать, есть, из такого благодатного места бежите? По всему княжеству молва идет, что князь Витовт людей с «улучшениями» в большом почете держит, работу им дает, почитает за равных.

Предводитель каравана горько, беззвучно усмехнулся, и его металлическая челюсть издала тихий скрежещущий звук.

— В почете... — его голос был хриплым, прокуренным. — Было так. Старый князь, дай бог ему здоровья, раньше в силе был и сам всем заправлял. А теперь власть-то у него новые советники перехватили, те, что с Бабами-Ягами в одной упряжке ходят, рука об руку. Теперь у нас, у «измененных», только два пути: либо их снадобье дорогущее покупать чтоб от боли не помереть, да в пожизненной кабале и вечной зависимости жить, отрабатывая каждый глоток, либо на улице оказаться, без работы, без крова. А кто слово поперек молвит, недовольство проявит, тех сразу «бунтовщиками» да «смутьянами» объявляют. Мы не бунтовали, мил человек. Мы молчали. Работать хотели честно. Но жить на коленях, кланяясь каждому чиновнику, не желаем. Не от хорошей жизни мы плоть на сталь меняли, по нужде великой. Так что ж, теперь еще и рабами быть до конца дней своих? Ищите, добрые люди, другую дорогу. Или готовьтесь к худшему. В нынешнем Светлогорске таким, как вы, с вашими диковинными руками, рады не будут. Разве что на рудники, да в шахты, до последнего вздоха.

С этими невеселыми словами он коротко, будто отдавая честь, кивнул и, не оборачиваясь, пошел дальше, а за ним, словно река печали, потянулся и весь его унылый, безрадостный караван. Святослав стоял неподвижно, провожая их долгим, тяжелым взглядом. Его лицо посуровело и окаменело, на нем застыла глубокая тревожная озабоченность. Он медленно, будто нехотя, вернулся к телеге.

— О чем говорили, тятя? О чем сказал тот дядя? — с беспокойством спросил Буян, чутко уловив резкую перемену в настроении отца.

— Да так, сынок, ни о чем, — отмахнулся Святослав, но его взгляд был рассеянным и уходил куда-то далеко, за горизонт. — Пустые, наветные слухи болтали, от скуки небылицы сочиняют. Забудь. — Он перевел взгляд на Марину, и между супругами мгновенно пробежало безмолвное, стремительное понимание. Тревога. Как холодный ветерок, она коснулась их обоих.

Наспех перекусив, они снова тронулись в путь, и вскоре, уже в густеющих сумерках, нашли подходящее место для ночлега — небольшую, уютную полянку у самого подножия древнего межевого камня, испещренного таинственными, полустертыми рунами, чей смысл был давно забыт. Но то веселое, безмятежное настроение, что царило днем, куда-то бесследно улетучилось, испарилось, как роса на утреннем солнце. Святослав был угрюм и необычайно молчалив. Пока Марина заканчивала готовить ужин, а Буян добросовестно собирал в ближайшей рощице хворост для костра, отец отошел в сторонку и, оглядевшись, достал из потайного, замаскированного под дно ящика отделения телеги небольшой, но на удивление тяжелый ларец из темного, почти черного дерева, окованный по углам простым, но прочным железом. Он щелкнул сложным замком и открыл его. Внутри, на бархатной, темно-синей подкладке, лежал слиток металла. Но это был не просто кусок руды или обыкновенная стальная заготовка. Он будто бы светился изнутри мягким, живым, переливчатым светом, и его поверхность то казалась матовой, то вдруг мерцала, как перламутр, то отливала глубоким стальным блеском.

— Вот он, — прошептал Святослав, и в его голосе сквозила не только привычная гордость мастера, но и новая, тяжелая, ответственная нота. — Основа основ. Сердечко нашей последней надежды. Теперь... теперь он, выходит, важнее, чем когда-либо. Ценнее жизни.

— Какой красивый, тятя, — присоединился к нему Буян, зачарованно глядя на мерцающий слиток. — Слово звездочка в руках.

— Он не просто красивый, Буян. — Отец положил свою живую руку ему на плечо. — Он... живой, в своем роде. Он — друг. Плоть его не отторгает как чужеродное железо, а принимает как родную кость. Он может стать мостом. Переплавить все распри и ненависть в настоящий союз. Сделать так, что никто и никогда не будет зависеть от милости и снадобий Яг. — Святослав с силой, с глухим стуком захлопнул крышку ларца. — Запомни, сынок, и никому — слышишь? — ни единой душе, ни слова о нем. А теперь — тем более. До поры до времени, это секрет большой.

Когда ночь окончательно вступила в свои права, окутав землю черным, бархатным покрывалом, усеянным мириадами холодных, алмазных звезд, Буян устроился на своей постели из мягких еловых веток и притих. Тревога отца передалась и ему, закралась в самое сердце. Марина, закончив свои хлопоты, укрыла его поношенным, но теплым и уютным тулупом.

— Тятя, а расскажи сказку, какую-нибудь, — попросил он, желая вернуть то утраченное чувство полной безопасности и уюта, что было у него днем.

Святослав помолчал, его лицо, освещенное дрожащим светом костра, казалось высеченным из камня. Он смотрел на потрескивающие, умирающие язычки пламени.

— Хорошо, сынок, будет тебе сказка. — Он подкинул в костер несколько крупных веток. — Слушай же, да на ус мотай. Жил-был в стародавние, былинные времена один кузнец, да такой искусный, что мог выковать все, что душа пожелает: от простого гвоздя до диковинного

механизма, что сам по себе двигался. И пришла к нему как-то сама хозяйка здешних мест, Лесная берегиня, вся в слезах, в отчаянии. Злой урбженец, железный и бездушный, поселился в самой ее сердцевине, в глухой чащобе. Деревья от него вяли, звери разбегались, ручьи пересыхали. А урбженец тот весь из железа был прокованный, и обычная сталь, даже самая закаленная, взять его не могла, лишь отскакивала со звоном. «Помоги, коваль, — умоляет Дух, — выкуй мне оружие, что одолеет железное чудище, спаси мой дом от гибели». Подумал кузнец, почесал в затылке и согласился. Но не стал он, как многие, ковать меч вострорежущий или топор богатырский. Нет. Взял он самые чистые, самые светлые руды, что нашел на утренней заре, смешал их с живой водой из лесного, никем не тронутого родника, да с семью травами целебными, что силу свою от самой земли брали. И выковал он не оружие разрушения, а сердце. Живое сердце из нового, невиданного металла, что чувствовало и понимало, что могло сострадать. Принес он то сердце в самую глухую чашу, положил на старый, замшелый пень прямо перед железным урбженцем. И забилося оно, засветилось изнутри таким теплым, ласковым светом, что вокруг сразу посветлело. Удивленное железное чудище потянулось к нему, тронуло своей грубой, холодной рукой... И свет тот проник в самую его железную суть, и ожило железо, и прозрел урбженец, и превратился он не в прах, а в первого лесного духа-хранителя, что с тех пор оберегает деревья от бурь и помогает честным путникам дорогу находить. Потому что самая великая сила, сынок, — не в том, чтобы сломать и уничтожить, а в том, чтобы понять, принять и исцелить...

Голос отца становился все тише, плавнее, глубже, сливаясь с шепотом ночного леса. Буян, убаюканный сказкой, дорожной усталостью и теплом костра, уже почти не слышал слов, они уплывали от него, как сонные видения. Его веки тяжелели и смыкались. Последнее, что он уловил своим дремлющим сознанием перед тем, как погрузиться в дрему, — был тоскливый волчий вой, донесшийся из непроглядной глубины спящего леса. Протяжный вой показался ему не просто природным, а каким-то зловещим, несущим угрозу. Он вздрогнул всем телом и инстинктивно прижался к широкой надежной спине отца, чувствуя, как тот в миг напрягся всем телом, услышав этот леденящий душу звук. Но Святослав не подал вида. Он лишь тяжело, с бесконечной усталостью вздохнул, прикрыл своей большой теплой ладонью темный ларец со светящимся слитком.

Буян погрузился в тревожный сон, где светящиеся сердца из живого металла отчаянно пытались исцелить мир, полный теней, неясных угроз и грядущих бурь.

Глава 2. Стая железных клыков

Тишина ночного леса была обманчивой — густой, напряженной, будто сама тьма между столетними соснами затаила дыхание в тревожном ожидании. Воздух, еще недавно наполненный ароматом хвои и вечерней прохлады, теперь казался тяжелым и спертым. Даже сверчки, неумолчно стрекотавшие всего час назад, вдруг замолкли, словно по команде. Угли костра тлели алым, словно раскаленные глаза невидимого чудовища, и их яркий свет отбрасывал на стволы деревьев причудливые, пляшущие тени.

Буяну снилось, что он уже в Светлогорске, в светлой, высокой мастерской, залитой солнечным светом. Перед ним на верстаке лежал тот самый светящийся слиток, и его переливчатый свет обещал что-то доброе и важное. Во сне не было ни тревоги, ни страха, лишь спокойная уверенность в завтрашнем дне.

Его резко вырвало из объятий сна странное звучание — негромкий, но отчетливый металлический звон, за которым последовало сухое шуршание.

Он приоткрыл глаза, еще не понимая, где находится. Святослав уже стоял на ногах — могучая, неподвижная тень с боевым молотом в руках. Он не шевелился, вобрав в себя всю тишину ночи, все ее настроенные звуки. Его стальная рука была сжата в кулак так, что суставы издавали тихий, но пронзительный скрип, похожий на стрекот сороки.

— Марина. — В его голосе не было страха, лишь холодная, отточенная готовность. — Буян. К телеге. Тихо. Не шевелись.

Сердце Буяна заколотилось где-то в горле. Он послушно прижался к матери, которая уже проснулась и сидела, вцепившись пальцами в край своей одежды. Ее глаза были широко раскрыты, в них плескался тот же немой вопрос, что и в его душе.

Но было уже поздно.

Сначала из тьмы под сенью вековых елей выпорхнули два горящих угля. Потом еще два. И еще. Они возникали бесшумно, без предупреждающего рыка, без привычного шороха лап по хвое. И во тьме были видны одни лишь глаза. Алые, лишенные зрачков, неестественно яркие, как раскаленная докрасна проволока. Они горели холодным, бездушным огнем, в котором не было ни злобы, ни голода — лишь пустота и мертвый свет.

Первые тени вышли на свет костра, переступив через границу тьмы.

Это были волки. Но такие, о каких Буян и не слышал даже в самых страшных сказках, рассказываемых долгими зимними вечерами отцом или нечасто приходившими в их дом гостями. Они были крупнее, мускулистее лесных хищников, а их шкуры местами покрывали стальные пластины, вросшие в плоть так, что казалось, будто их выковали прямо на живом звере, не давая ему умереть. Между пластинами виднелась обожженная, покрытая шрамами кожа. Из открытых пастей, оскаленных в беззвучном рыке, капала слюна, шипящая и пузырящаяся на холодной земле, их клыки были длинными заостренными стальными штырями. Механические суставы лап отдавали тихим гидравлическим шипением при каждом осторожном, выверенном шаге. И, казалось, их движения были настолько синхронны, что они — части одной системы.

— Кибер-волки... — прошептал Святослав, и в его голосе прозвучало не просто отвращение, а леденящее душу узнавание, словно он встречался с этим кошмаром раньше. — Механические охотники.

Один из волков, самый крупный, с горбом из стальных шипов на спине и одним глазом, сделал выпад. Он был молниеносен, его тело сжалось и вмиг распрямилось, как стальная пружина. Но Святослав, проживший всю жизнь в напряженном ожидании удара, был быстрее. Молот в его живой руке взметнулся, описав короткую, но смертоносную дугу, и обрушился на зверя с такой чудовищной силой, что раздался оглушительный лязг. Кибер-волк отлетел в сто-

рону, заскулив на высокочастотной, режущей слух ноте, но тут же встал. Глубокая вмятина на его стальной броне свидетельствовала о сокрушительном ударе. Глаз волка вспыхнул еще ярче.

— К телеге! За спину! — закричал отец, отступая к колесу, пока его спина не уперлась в деревянный борт.

Побелевшая, как мел, Марина схватила Буяна и попыталась оттащить его вглубь леса, под защиту толстых, могучих сосен. Ее пальцы дрожали, но цеплялись за его плечи с силой отчаяния.

— Беги, сынок, беги, — шептала она, но слова терялись в оглушительном рыке.

Путь им преградил другой волк, вынырнувший из чащи справа, словно повинувшись чьему-то приказу. Он был меньше первого, но проворнее, его стальные когти оставляли на земле глубокие борозды. Он рыкнул, и звук был не животным ревом, а скрежетом рвущейся металлической струны, смешанным с шипением перегретого пара.

— Нет... — простонала Марина, прижимая сына к себе, закрывая его своим телом, как живым щитом.

Святослав, отбиваясь от другого нападающего, не мог помочь, когда волк прыгнул на них. Стальные клыки, холодные и острые, как бритвы, впились Марине в плечо. Раздался короткий, влажный хруст. Марина издала короткий, захлебывающийся стон, больше похожий на хрип. Ее тело дернулось, и она рухнула на землю, придавив собой Буяна. Теплая, липкая, пахнущая медью жидкость залила ему лицо, ослепила, попала в рот.

— Мама!

И тут в Буяне что-то оборвалось, сломалось, как сухая ветка под тяжелыми сапогами. Весь мир сузился до тяжелого, неподвижного тела матери, до рычащих, шипящих чудовищ и до фигуры отца, который, казалось, был повсюду. Он метнулся к ним, но его тут же окружили. «Громовержец» описывал в воздухе сокрушительные дуги, сбивая с ног одного зверя и отбрасывая другого. Он всаживал прямо в разинутые пасти свой стальной кулак, и при каждом ударе рука испускала снопы ослепительных, бело-голубых искр, которые на мгновение освещали поле брани, выхватывая из тьмы оскаленные морды, блеск стали и брызги крови. Он был подобен древнему богу-кузнецу, яростному и непобедимому, кующему свою последнюю, страшную месть. Он сбил с ног одного волка, проломил голову другому, и на мгновение, всего на одно короткое мгновение, Буяну показалось, что он сможет. Что его отец, его могучий тятя, в одиночку выстоит против всей этой стаи.

Этот миг надежды был сладким и горьким одновременно. Буян, не помня себя от горя, ужаса и бессильной ярости, вырвался из-под безжизненного тела матери. Его залитый слезами и кровью взгляд упал на запасной отцовский молот, валявшийся у колеса. Он был слишком тяжел для мальчика, но Буян, рыдая, с искаженным от ненависти лицом, поднял его обеими руками и с диким, полным всей его детской ярости криком бросился на ближайшего волка, который подбирался к отцу сбоку.

Удар пришелся плашмя по бронированному боку. Раздался глухой бесславный звук. Молот отскочил, вырвавшись из ослабевших пальцев Буяна и отбросив его самого на землю. Волк даже не дрогнул. Он лишь медленно, с почти человеческим презрением, повернул к мальчику свою ужасную, частично механическую голову и, словно от скуки, от нечего делать, толкнул его лапой в грудь. Удар вышел сильным и точным.

Что-то внутри Буяна сломалось с отвратительным звуком. Острая, разрывающая боль пронзила руку, ударила в мозг. Он не мог вдохнуть, не мог крикнуть. Он полетел назад, ударился спиной о корявый ствол сосны и рухнул в колючую хвою, беспомощный и разбитый. Мир поплыл перед глазами, окрашиваясь в багровые, затем в черные тона. Он видел все как сквозь мутное, кровавое стекло.

— Буян!

Это был крик отца. Крик, в котором было столько первобытного отчаяния, безумной любви и ледящего душу ужаса, что он на секунду заглушил все звуки боя — и лязг стали, и шипение, и звериный рык. Святослав, забыв обо всем на свете, о стае, о собственной безопасности, бросился сквозь строй волков к сыну. Он пронзил молотом зверя, стоявшего над Буяном, и рухнул на колени рядом, своим мощным телом пытаясь прикрыть сына, создать последний живой барьер между ним и смертью.

В этот роковой, единственный миг он открыл спину.

Самый крупный волк, с шипастым горбом, которого Святослав ударил вначале, только этого и ждал. Он ринулся, как выпущенная из осадного орудия болванка. Он вцепился стальными клыками Святославу в шею, прямо над воротником простеганной куртки. Раздался тот самый ужасный влажный хруст, который Буян уже слышал сегодня.

Святослав замер. Его глаза, еще секунду назад полные дикого ужаса за сына, вдруг остекленели, утратили фокус. Он попытался подняться, сделать последний, отчаянный взмах молотом, вытянуть руку, чтобы дотронуться до Буяна... но его пальцы разжались, и «Громовержец» с глухим стуком упал на землю. Тело дернулось в последней судороге, и он тяжело, медленно рухнул на землю рядом с Буяном, заливая снег кровью, еще пахнувшей жизнью, которая так быстро утекала.

Боль и шок, парализовавшие тело, не давали Буяну потерять сознание. Он лежал, не в силах пошевелиться, не в силах издать звук, и смотрел. Смотрел, как волки стаяй набрасываются на неподвижное, но еще теплое тело отца, слышал ужасающие, чудовищные звуки раздираемой плоти и ломаемого металла... И сквозь пелену боли, слез и крови он увидел ЕГО.

На опушке, вне досягаемости света костра, в самой гуще теней, стояла худая, почти неестественно прямая фигура в длинном, черном, как сама ночь, плаще с капюшоном, брошенным низко на лицо. Человек просто наблюдал. Холодно, отстраненно, как ученый наблюдает за экспериментом. И затем, словно удовлетворившись увиденным, он поднял руку в темной, плотно облегающей перчатке и сделал несколько плавных, почти небрежных, но абсолютно точных жестов.

Растерзав тело отца волки направились к лежащему на снегу Буяну. Из их раскрытых пастей не вырывался пар от дыхания, но жажда убийства ясно читалась в их глазах. Буян хотел закричать, но горло его свело спазмом, и он не мог выдавить из себя ни звука. Волки приближались, лязгая железными зубами. Твари принялись терзать тело Буяна, он с ужасом наблюдал, как вырываются куски плоти из его тела. Он хотел потерять сознание, но даже этого сделать не мог.

Вдруг все прекратилось.

Волки послушно и мгновенно отступили от него. Они выстроились, как дисциплинированные солдаты после смотра, и, бросив последние голодные взгляды на недоеденную добычу, бесшумно, один за другим, растворились в лесной чаще, ведомые своим невидимым хозяином. Скрип их механических суставов быстро затих вдали.

В этот момент телега вспыхнула оранжевым пламенем.

Буян лежал один посреди поляны, ставшей местом не сражения, а бойни. Рядом, в неестественных, сломанных позах, лежали тела его родителей. Боль раздирала его на части.

В боку она стала тупой, всепоглощающей, а холод проникал все глубже, к самым костям. Взгляд Буяна затуманивался, края зрения смыкались черным бархатным покрывалом. Последнее, что он видел перед тем, как тьма поглотила его, было лицо отца, лежавшее вполборота к нему. Глаза Святослава были широко открыты, в них застыли невысказанная боль, бездонный ужас и вечный, безмолвный вопрос, обращенный к несправедливому небу. На его шее, совсем рядом со смертельной раной, тускло сверкал в отблесках угасающих углей маленький грубо выкованный металлический оберег — стилизованный молот Перуна, который он носил,

не снимая, с самой юности. Этот последний, прощальный образ отца врезался в память Буяна навечно, будто выжженный раскаленным железом.

Тишина снова воцарилась на поляне. Но теперь это была иная тишина — тяжелая, густая, полная запаха крови и смерти, тишина опустошения и конца. Далекая сова прокричала в лесу, и ее голос прозвучал как похоронный звон по трем загубленным жизням.

Глава 3. Пробуждение в избушке

Сознание возвращалось к Буяну обрывками, каждый раз выдергивая его из бездонного колодца небытия, чтобы бросить в новый, еще более изощренный кошмар. Он существовал в некоем подвешенном состоянии, между жизнью и смертью, где не было ни времени, ни пространства, только хаотическая смена ощущений. Одно оставалось неизменным — боль. Она была его единственной реальностью. Тупая, разлитая по всему телу, как свинцовая тяжесть, и острая, жгучая, сосредоточенная в правом боку, будто там застрял раскаленный нож, который кто-то периодически проворачивал.

Он тонул в густом мраке, и сквозь его толщу проступали обманчивые образы, сотканые из памяти и отчаяния. Вот он бежит по темному, но знакомому лесу, тому самому, где они с отцом собирали грибы. Ветви елей хлещут его по лицу, цепляются за одежду, а его мать и отец, освещенные призрачным светом, уходят вперед. Они оборачиваются, улыбаются ему, машут рукой. Лица их ясные и спокойные.

— Буян! Иди к нам, сынок! — зовет мама, и ее голос такой же ласковый и певучий, как в самые счастливые дни.

— Беги, парень, не отставай! Видишь, какая светлая дорога? — гремит голос отца Святослава, и он указывает рукой куда-то вперед, в сияющую даль.

Он пытается бежать быстрее, вытягивается из последних сил, сердце готово выпрыгнуть из груди, но ноги будто вязнут в густой, тягучей смоле. Он бежит, но не движется с места. Расстояние между ними не уменьшается, а только растет. Он кричит, зовет их, его горло срывается в хрип, но они лишь продолжают улыбаться, махать ему и удаляться, пока их силуэты не растворяются в ослепительном свете. И он остается один в гнетущей, абсолютной тишине, давящей на уши и душу.

Потом призрачный свет сменяется багровым заревом пожара. Он снова на той самой поляне. Языки пламени лижут обугленные остатки телеги, отбрасывая на деревья пляшущие, уродливые тени. Сквозь едкий дым он видит искаженные морды волков с алыми, бездушными глазами-фонарями. Он слышит тот самый, навсегда врезавшийся в память влажный хруст и тихий, обрывающийся стон матери. Он снова и снова чувствует тепло и густоту родительской крови, ее медный, сладковатый запах, от которого тошнит. Он пытается закричать, призвать на помощь, но его голосовые связки парализованы, и из горла вырывается только беззвучный стон. Он пытается подняться, схватить хоть камень, хоть палку, но его тело потяжелело, одревенело и совсем не слушалось.

И в эти моменты абсолютного, беспросветного ужаса в мрак его бреда вторгся другой образ — смутный, неясный, но настойчивый. Чье-то старое, изборожденное глубокими морщинами лицо склонилось над ним. Виднелись темные, невероятно пронзительные глаза, в которых не было ни капли утешительной жалости или сострадания, но в них горел какой-то иной огонь — упрямая, почти злая решимость и холодная, безразличная ко всему усталость. Он чувствовал прикосновения — твердые, шершавые, но удивительно уверенные пальцы, которые что-то поправляли на его груди, накладывали на его рану что-то холодное и липкое, от чего боль ненадолго отступала. Низкий каркающий голос произносил отрывистые, лишённые всякого утешения слова.

— Цепляйся, парень. Цепляйся за жизнь, когтями, зубами. Она, глядишь, того не стоит, но терять-то ее все равно не за чем. Смерть — она скучная. Однообразная.

В другом отрывке бреда он слышал иное:

— Ну и зачем ты мне сдался, а? Одного неудачного спасателя уже на моей совести... хватило бы с лихвой. И вот же, на тебе... Нашла же оказия...

Потом его снова, без всяких церемоний, поглощала пустота, и он проваливался в забытие, где не было ни снов, ни кошмаров, лишь изнурительная, безвольная тьма.

Наконец наступил момент, когда он пришел в себя не на мгновение, а надолго. Сначала он просто лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь. Не было слышно ни завывания ветра в вершинах сосен, ни треска сучьев под лапами зверей, ни даже привычного шепота листвы. Была иная тишина — глухая, уютная и в то же время тревожная, нарушаемая лишь размеренным потрескиванием поленьев где-то поблизости, ровным биением его собственного сердца в ушах и тиканьем какого-то механизма. Воздух, который он вдыхал, был странным и непривычным: чувствовался терпкий запах сушеных трав: полыни, зверобоя и еще десятка других, незнакомых, который смешивался с едким, колючим духом машинных масел, запахом остывающего раскаленного металла и успокаивающим ароматом тлеющего в уголке ладана.

Он медленно, с усилием, открыл глаза.

Потолок над ним был низким, бревенчатым, почерневшим от времени и постоянного дыма. Он лежал на узкой, удивительно твердой и ровной кровати, укрытый грубым, но теплым шерстяным одеялом. Вокруг, куда ни кинешь взгляд, царил организованный хаос. Полки, грубо сколоченные из неструганных досок, ломились от связок сухих растений, замысловатых корешков, склянок и горшочков с мутными жидкостями и мазями и странных, на первый взгляд, камней и высушенных частей животных. Но тут же на соседних, таких же простых полках, были аккуратно, с почти благоговейной точностью разложены, как драгоценности, шестеренки разных размеров, блестящие пружины, мотки медной проволоки и сложные механические узлы, чье назначение было ему неведомо. На стене висели пучки целебного чеснока и лука рядом с испещренными непонятными знаками чертежами, нанесенными на пожелтевшую от времени кожу. У стены стоял верстак, заваленный инструментами: и напильниками, и паяльниками, и крошечными молоточками. Это была изба, но изба не простой деревенской знахарки, а кого-то, кто стоял одной ногой в мире древних, растительных тайн, а другой — в мире хитроумного металла и точной механики.

Он попытался приподняться на локте, чтобы разглядеть все получше. Мышцы сладко заняли от непривычного усилия, и одеяло сползло с его правой руки.

Он замер, уставившись на нее, не веря своим глазам.

Это была его рука. Он чувствовал ее, мог пошевелить ею, ощущал легкое покалывание в кончиках пальцев, когда те касались шершавой ткани одеяла. Но она была... другой. Совершенно иной. Вся кисть покрывал металл странного, бледного, почти молочного оттенка, матовый и холодный на вид, но на ощупь... на ощупь он чувствовал его тепло, словно это была и вправду его плоть. Суставы были искусно смоделированы и не стесняли движений, а на тыльной стороне ладони он увидел едва заметную, похожую на старинную татуировку сложную вязь, напоминавшую славянские обережные символы, которые его отец иногда выбивал на своих лучших работах. Он медленно, будто боясь спугнуть, сжал кулак. Механические сухожилия под гибкой прочной оболочкой мягко взвизгнули, и пальцы послушно сомкнулись.

В горле встал ком. Слепая, всепоглощающая паника подступила к вискам, затуманила зрение. Он сбросил одеяло, попытался встать на ноги, увидеть себя целиком, понять, что стало со всем его телом, отказаться от этого чудовищного дара. Но едва он оторвал ноги от лежанки, как в боку вспыхнуло свежее, режущее пламя, в голове закружилось, в глазах потемнело. Он с глухим, беспомощным стоном рухнул обратно на жесткие подушки, разбитый, побежденный собственным бессилием. Он глядел в почерневшие бревна потолка и чувствовал, как по его щекам катятся горячие, беспомощные слезы.

В дверном проеме, ведущим в соседнее помещение, появилась высокая, угловатая тень, заслонившая свет от печки.

— Ну что, очнулся наконец-то? — прозвучал тот самый, знакомый по кошмарам хриплый голос. В нем не было ни радости, ни облегчения. Лишь констатация факта. — И снова за

свое. Рваться в бой, кидаться в полымя, когда и с постели-то подняться не можешь. Горячка молодецкая.

В комнату, не спеша, вошла старуха. Она была высокая и худая, как жердь, одетая в простую домотканую одежду из темной ткани, подпоясанную обычной пеньковой веревкой. Ее седые, цвета стали волосы были туго собраны в строгий, тугий пучок на затылке, а лицо, испещренное глубокими морщинами, казалось, было вырезано из старого, выдержанного бурей и временем дерева. В ее темных, не по-старушечьи живых и цепких глазах горел колючий, изучающий огонек, словно она видела не просто мальчика, а сложный механизм, требующий починки. Она несла в руках дымящуюся глиняную миску, от которой тянуло паром и густым, мясным запахом похлебки.

Буян смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Весь ужас последних дней, вся накопившаяся боль, все детское отчаяние, которое он не мог выразить в бреду, накрыли его с новой, сокрушительной силой. Слезы хлынули из его глаз ручьем, беззвучно, но от этого еще страшнее, сотрясая его истощенное, изможденное тело, жаждущее выплакаться всласть. Он плакал о матери, об отце, о сгоревшей телеге, о сломанной жизни, о своей измененной плоти.

— Мои... родители... — сумел он выдать сквозь предательские рыдания. Больше он ничего не мог сказать. Эти два слова вмещали в себя всю его вселенскую тоску.

— Мертвы, — отрезала старуха, поставив миску на простой деревянный табурет рядом с кроватью. Ее голос был безжалостно спокоен и тверд, как булат. В нем не было и тени сомнения или желания смягчить удар. — Железные псы, кибер-волки, не для забавы созданы. Мало, кто выживает после встречи с ними. Ты исключение. Чудо, если хочешь. Хреновое такое чудо.

Она коротко, почти бытовым жестом, указала на его металлическую руку.

— Твое, родное, спасти было невозможно. Перекушено было в щепки, да еще и зараза туда попала. Пришлось оттяпать по локоть, потому как гниль дальше пошла. Да и ребра те твари поломали, внутренности помяли, селезенку чуть не вынесли. Пришлось заменять то, что съели. Или то, что сгнило и отмерло. Другого выхода не было.

Эти бесстрастные, ужасающе простые слова наконец вернули ему голос, вырвав из горла крик, полный детской, неосознанной ярости и горькой обиды на весь мир.

— Зачем?! — крикнул он, и его тонкий голос сорвался на визг. — Зачем ты меня спасала? Я должен был умереть с ними! Вместе! Я... я буду мстить! Я найду их! Я убью их всех! Всех до одного!

Он снова попытался вскочить, почувствовать эту жуткую, холодную и в то же время живую руку, хотел сжать ее в кулак и ударить во что-нибудь — стену, старуху, самого себя, но страшная слабость и боль снова, как кандалы, приковали его к постели. Он мог лишь беспомощно бить своей новой рукой по одеялу, сжимая и разжимая пальцы, и рыдать.

Старуха наблюдала за его истерикой с тем же невозмутимым, почти научным спокойствием. Она не утешала, не пыталась обнять, не говорила ласковых слов. Она просто ждала, стоя у кровати со скрещенными на груди руками, пока первая, самая разрушительная буря горя и гнева не выдохнется, не оставив после себя лишь пустоту и смирение. Когда он, окончательно обессиленный, затих, лишь изредка вздрагивая и тихо всхлипывая, она снова взяла миску и протянула ему вместе с деревянной ложкой.

— Если уж так хочешь мстить, начинай с малого. Сначала научись держать ложку. Не уронишь ложку — научишься держать нож. Не уронишь нож — сможешь поднять меч. Мщение, парень, это тебе не крик ярости. Это долгая, холодная, голодная работа. А для работы нужны силы. А у тебя их, как у котенка, пока нет.

Буян смотрел то на миску с простой, но такой нужной сейчас похлебкой, то на свою новую руку, то в суровое, непроницаемое лицо старухи, в котором он тщетно искал хоть каплю тепла. Весь его прежний мир, с родителями, дорогой в Светлогорск, надеждами на учебу, был уничтожен на той лесной поляне. Новый мир сузился до этой бревенчатой комнаты, пропахшей

травами и металлом, до этой миски с едой и до всепоглощающей, единственно оставшейся у него силы — ненависти, которая одна согревала его изнутри, не давая окончательно заledenеть и сдаться. Он медленно, неуверенно протянул свою металлическую руку, преодолевая дрожь в пальцах. Они сомкнулись вокруг ручки деревянной ложки с непривычной, но уже неоспоримо его силой.

И в этот миг, глядя на свое отражение в матовой поверхности странного металла, он понял кое-что окончательно и бесповоротно. Мальчик по имени Буян, сын кузнеца Святослава, умер там, в лесу, вместе со своими родителями. Тот, кто остался в живых, был кем-то иным. И первой главой в жизни этого нового существа была не месть, не ярость, а вот эта простая, дымящаяся похлебка, которую нужно было съесть, чтобы выжить.

Глава 4. Наследие кузнеца

Время в избушке старухи текло иначе, чем в большом мире. Оно не бежало вперед, подгоняемое спешкой и надеждами, а медленно сочилось, как смола по коре сосны, заполняя собой каждый миг монотонным, но целительным ритмом. Дни, похожие один на другой, тянулись вереницей, сливаясь в однообразную череду боли, слабости и горьких, как полынь, размышлений. Жизнь здесь подчинялась своему неспешному распорядку, где каждое действие — от розжига печи до сбора целебных трав — имело свой смысл и свое время.

Буян постепенно креп, но крепость эта приходила неспешно, не повинуюсь его собственному нетерпению. Страшная, разрывающая боль в боку со временем утихла, сменившись сперва осторожным, а потом и привычным ноющим воспоминанием, вечным спутником, поселившимся глубоко внутри. А та диковинная, чужая рука из бледного, матового металла становилась все более послушной. Это новое чувство владения своим измененным телом злило и пугало его одновременно. Казалось несправедливым и предательским — привыкнуть к тому, что стало символом его потери.

Сначала он помогал старухе с огромным трудом и глухой, детской неохотой, движимый лишь смутным чувством обязанности за свое спасение. Буян подметал грубый, изношенный половик метлой, которую его новая рука сжимала с пугающей легкостью, будто прутик.

Иногда он помогал ей в работе: молча, по ее отрывистым указаниям, подавал Велене инструменты, когда она, бормоча что-то невнятное себе под нос, склонялась над своим верстаком, чтобы починить замысловатый механизм — нечто среднее между часовым ходом и дистиллятором для трав. Мальчик сидел на корточках в углу и наблюдал, как старуха, двигаясь между полок с травами и ящиком с металлическими заготовками, готовит зелья, смешивая терпкие отвары с маслами и толчеными минералами, а через час уже возится с паяльной лампой, вправляя вывихнутый сустав в лапе пойманного в капкан зайца, причем делала она это с одинаковой сосредоточенностью.

Ее мир был многоликим и наполненным. С одной стороны — древние, языческие знания о травах, о духах леса, о целебных и ядовитых свойствах корней, знания, уходящие корнями в седую старину. С другой — холодная, точная, бездушная механика, неумолимая логика шестеренок, рычагов и передач. И Буян против своей воли начинал впитывать в себя оба этих потока знания, постоянно находясь рядом со своей спасительницей, дыша этим воздухом, пропахшим одновременно ладаном и машинным маслом. Он узнал, что старуху зовут Велена, но про себя, да и вслух иногда, продолжал упрямо звать ее просто старухой. Имя казалось ему слишком личным, слишком человеческим для этого сурового и молчаливого существа, похожего на высохший корень, в чьих глазах он иногда ловил отсветы далеких и страшных бурь.

Однажды вечером, когда первые сумерки уже начинали красть синеву у дня, Буян, уже умевший кое-как орудовать ножом, пытался своей новой рукой очистить картофель. Получалось криво, коряво, куски кожуры летели во все стороны, но он уже по крайней мере не ронял нож и не резал себе пальцы. Внезапно старуха, закончив протирать какой-то сложный механизм тряпкой, подошла к своему сундуку. Он стоял в углу, старый, дубовый, почерневший от времени, с мощными железными углами и сложным, хитроумным замком. Она что-то повертела в замочной скважине, вставила какой-то тонкий инструмент, и раздался отчетливый глухой щелчок. Извлекая что-то из глубины потаенного отделения, она обернулась к мальчику. Ее лицо в этот миг было невозмутимо, в глазах Буян прочитал необычную даже для нее серьезность.

— Брось свою картошку. Иди сюда, парень.

Буян, нахмурившись, отложил нож и, преодолевая легкую дрожь в коленях, подошел. Она протянула ему тяжелый продолговатый предмет, завернутый в мягкую, вытершуюся до

дыр замшу. Сердце его тут же екнуло, замерло, а потом забилося с бешеной силой, стоило ему принять вещь: форма, вес, размеры были до боли знакомыми. Пальцы его живой руки дрогнули. Медленно, будто боясь увидеть именно то, на что он и думал, Буян стал разворачивать ткань. И замер, не в силах вымолвить ни звука. В его руке лежал слиток. Тот самый, что его отец с такой гордостью и надеждой показывал ему у костра в их последнюю ночь. Тот самый, что был сердцем их несбывшихся мечтаний и, как Буян теперь считал, прямой причиной чудовищной гибели родителей. Металл мерцал тем же живым, переливчатым светом, то напоминая отполированную до зеркального блеска сталь, то внезапно отливая перламутром. На его идеально гладкой поверхности не было ни единой царапины, ни пятнышка копоти, будто пожар, поглотивший обоз, не посмел прикоснуться к нему.

— Нашла в сгоревшем обозе, — голос старухи был ровным, монотонным, как всегда, но теперь в его глубине Буяну почудилась какая-то иная, тяжелая нота. Видно, очень нужно было, чтобы он не пропал. Чтобы не достался никому другому.

Буян смотрел на слиток, и по его телу прокатилась сперва волна обжигающего, стыдливого жара, а потом — леденящего, пронизывающего до костей холода. Он чувствовал его вес, ту же самую, знакомую тяжесть, что чувствовал тогда, сидя у костра. Но теперь этот вес давил на него не обещанием лучшего будущего, а страшным, невыносимым грузом вины, ярости и несправедливости. Этот кусок металла был очень важен отцу, он был частью прошлой жизни Буяна.

— Из-за него... — прошептал он, хрипя, а после голос задрожал, сорвался. — Из-за этой проклятой, дьявольской железяки они все... Из-за нее нас нашли! Выследили! Из-за нее убили! Растерзали!

— Не из-за него, — поправила его старуха с непоколебимым спокойствием. — Из-за того, что он значит. Из-за идеи, что в нем заключена. Из-за силы, что он может дать одним и отнять у других. Металл не виноват. Виноваты те, кто хочет эту силу присвоить или уничтожить. Такой слиток встречается крайне редко, позволить себе механические части из него могут лишь единицы. А твой отец, видимо, хотел сделать его дешевле, доступнее для всех! Именно это и могло не понравиться кое-кому.

— Какая разница?! — внезапно крикнул Буян, разогнав тишину в маленькой избушке. Он сжал слиток так сильно, что его металлические пальцы, подчиняясь дикому импульсу, оставили на удивительно податливой поверхности едва заметные вмятины. — Он особенный? Уникальный? Ну так посмотри же, во что он превратил мою жизнь! Я его ненавижу! Ненавижу всеми силами души!

Он замахнулся, чтобы изо всей силы швырнуть слиток в каменную печь, вырвать эту черную, смертоносную занозу из своей жизни, уничтожить, расплавить, стереть в порошок причину всех своих бед. Но его металлическая рука замерла в воздухе, не в силах выполнить приказ. Он смотрел на мерцающий, будто дышащий металл, а потом его взгляд сам собой медленно пополз вниз к руке, сделанной, как он понимал, из того же самого, ненавистного сплава. Ужасное, обескураживающее осознание ударило его, как обухом по голове, лишив остатков сил.

— И... я... — выговорил он с трудом, и в его глазах, налитых слезами ярости, запрыгали бешеные, неистовые искры. — Я из этого же... Я сделан из этого... Я такой же, как он! — Он отшатнулся от старухи, тыча пальцем в свою грудь, будто пытаясь вырвать оттуда что-то. — Он во мне! Он часть меня! Значит... значит, я тоже... Я ненавижу себя! Я тоже причина... Я...

Он не мог продолжать. Слезы, на этот раз не тихого горя, а бурной всепоглощающей, ядовитой ненависти — к сплаву, к несправедливому миру, к самому себе — хлынули по его щекам. Соль в них жалилась и жглась. Он рухнул на колени, сжимая свою металлическую руку в кулак и начиная бить им о твердую, деревянную половицу с тупым, методичным стуком, пытаясь ощутить боль, доказать себе, что он еще живой, еще человек, из плоти и крови, способный чувствовать.

— Я найду его, — прохрипел он, поднимая к старухе искаженное гримасой чистой ярости лицо. Его глаза горели лихорадочным, нездоровым блеском. — Я найду того, кто это сделал. Этого... этого изверга в плаще. И я убью его. Обязательно убью. И сделаю я это... — Он с ненавистью посмотрел на свою руку. — Этим самым металлом. Я вобью ему его в глотку! Вырежу на нем, как он волками изрезал моих родных!

Велена смотрела на него без осуждения, но и без тени одобрения или восхищения его порывом. В ее старых, глубоко посаженных глазах была лишь усталая, многовековая печаль, тяжелая, как свинец, и горькая, как полынь.

— Твой отец, видать, думал иначе, — сказала она наконец. — Этот сплав... он не просто уникален. Он живой. Не в том смысле, что дышит или чувствует. Он... дружелюбен к жизни. Плоть его не отторгает, не видит в нем врага, чужака, как в обычном железе. А сам металл... он не ржавеет, не крошится, не ломается от усталости. Он принимает форму, подстраивается и слушается. Плоть думает, что это кость. Металл — что он часть живого механизма.

— А мои родители?! — взревел Буян, вскакивая на ноги. Его всего трясло, как в лихорадке. — Они что, не в счет?! Их жизни ничего не стоили?!

— Стоили, — сурово, не отводя взгляда, парировала старуха. — Каждая секунда их жизни стоила больше, чем все слитки мира. И именно потому, что они отдали их за эту штуку, не дай их жертве пропасть втуне, не дай ей превратиться в простое пятно крови на лесной подстилке! Они верили, что везут в столицу не просто редкий металл, а надежду на будущее. На примирение. А ты... ты хочешь превратить отцовское наследие в орудие убийства. В лучшем случае — одного, частного убийства. И все. Пепел.

— Мне хватит и одного! — выкрикнул Буян со стальной решимостью, что была теперь частью его тела. Его всего трясло от накала эмоций. Он был абсолютно глух к ее словам, как глух к успокаивающему шепоту леса за толстыми стенами. Жажда мести была единственным, что наполняло его опустошенную душу смыслом, давало силы дышать, просыпаться по утрам, терпеть боль. Все остальное — чужие надежды, абстрактное будущее, незнакомые жизни — было пустым, ничего не значащим звуком, белым шумом.

Старуха тяжело, с насадой вздохнула, и в этом вздохе была усталость не от одного дня, а от многих лет, прожитых в борьбе с человеческим невежеством и слепотой. Она видела, что в этот миг до него не достучаться. Стены его горя, гнева и отчаяния были слишком высоки и толсты, и он сам возводил их все выше, замуровывая себя в склепе собственной ненависти. Молча она взяла у него из ослабевших пальцев слиток, все так же бережно завернула в спасительную замшу и убрала обратно в недра сундука, повернув ключ в замке с тем же окончательным шелчком.

— Ладно, — сказала она, снова принимаясь за свои бесконечные дела, будто ничего и не произошло. — Хватит на сегодня истерик. Ложись спать. Завтра на заре вставать, дров нужно нарубить целый воз. Без сил ничего не сделаешь. Ни мстить, ни жить. А что до сплава... — На мгновение она замолчала, глядя на языки пламени в печи. — Поймешь позже. Может, когда свои шрамы перестанешь лизать, как пес рану, и оглядишься по сторонам. Увидишь, что у других людей шрамы ничуть не меньше, а может, и глубже твоих. И не все они нанесены сталью.

Буян, не глядя на нее, поплелся к своей жесткой кровати. Он не верил ей. Он не хотел ничего понимать «позже». В его душе, выжженной дотла, бушевал только один-единственный огонь — огонь мести. И он поклялся себе в тот вечер, что будет подпитывать его, лелеять, возвращать, пока он не испепелит все на своем пути, не оставив камня на камне, пока не забрет того, кто отнял у него все, что он любил. Он лег, повернувшись лицом к бревенчатой стене, и сжал свою металлическую руку в кулак, чувствуя, как холодная, нечеловеческая сила наполняет его, дает ему опору. Это была его сила. Сила его ненависти. И пока она была с ним, он чувствовал, что жив. И этого ему было достаточно.

Глава 5. Уроки Лесной ведьмы

Если первые недели в избушке были временем физического исцеления, медленного и мучительного, то последующие месяцы превратились в эпоху суровой, безжалостной и до мозга костей практичной школы. Велена оказалась не просто целительницей, а требовательным, дотошным и по-своему жестоким наставником. Ее методы обучения редко включали в себя слова ободрения или похвалы; вместо этого Буян познавал мир через боль падений, горечь разочарований и редкие, выстраданные победы, которые становились его единственной наградой в этом новом, жестоком мире.

Окрепнув, Буян часто помышлял о том, чтобы сбежать, но бежать ему было некуда, а Велена, несмотря на свою суровость, все же учила своего невольного подопечного выживать в этом мире, использовать протезы и сражаться.

Физические тренировки начались с малого, почти униженного — с простой ходьбы по неровному лесному грунту. Но очень быстро они превратились в изощренную, продуманную пытку, целью которой было не накачивание мышц, а нечто гораздо более важное и сложное — абсолютный контроль. Контроль над своим новым, гибридным телом, где плоть и сталь должны были стать единым целым.

— Металл — это не просто бездушный кусок железа, привязанный к твоей кости, как палка к веревке, — ворчала Старуха, бесстрастно наблюдая, как Буян в очередной раз пытается удержать равновесие на скользком, мшистом бревне, перекинутом через ледяной ручей. — Он должен слушаться тебя быстрее, чем родилась мысль в твоей голове. Должен стать твоей второй, улучшенной природой. Ты не успел подумать — а он уже делает. Малейшая заминка — и ты труп. Не должно быть разницы, живая ли твоя рука или металлическая!

Падения в ледяную, пронизывающую до костей воду были частыми и унижительными. Синяки, ссадины и растяжения стали его обычным, почти привычным состоянием. Но самым сложным, что доводило его до слез ярости, была задача заставить кибернетическую руку не просто бездумно хватать и сжимать, а контролировать. Чувствовать давление, соизмерять усилие, чтобы не раздавить хрупкое птичье яйцо, подобранное для завтрака, или не сломать, как щепку, деревянную рукоять ножа. Он часами мог сидеть, пытаясь подцепить металлическими пальцами отдельные травинки или перебирать крупу, не раздавив ни единого зернышка. Это было мучительно скучно и невероятно трудно.

Вскоре к упражнениям на баланс и тонкий контроль добавилась практическая борьба. Старуха не демонстрировала ему заученных боевых приемов или изящных фехтовальных стоек. Вместо этого она водила его на небольшую, затерянную среди хвойных великанов поляну, где почва была мягкой, а воздух всегда казался чуть более прохладным и плотным. Здесь происходило нечто, чего Буян не мог объяснить даже самому себе. Старуха чертила на земле замысловатые, пульсирующие слабым светом руны, шептала слова на неизвестном, гортанном языке, и из самого тумана, поднимающегося от сырой земли, материализовались фантомы. Они не были ни живыми существами, ни механическими конструкциями. Это были сгустки чистой энергии, принимающие по воле старухи любой облик — то волка с горящими алыми глазами и стальными клыками, то безликого воина в доспехах, то просто бесформенной, полупрозрачной тени, которая больно била, оставляя на коже синяки и ссадины.

— Это твои враги, — холодным, ровным тоном объявляла старуха, оставаясь в стороне, прислонившись к сосне. — Бей их. Уворачивайся. Найди их слабость. Или они побьют тебя. Не волнуйся, до смерти они тебя не добьют, я не допущу. А вот до полусмерти, до состояния тряпки, выжатой досуха — запросто. Боль — лучший учитель. Она запоминается надолго.

И Буян сражался. Сначала с одной лишь своей металлической рукой, полагаясь только на ее силу и скорость. Потом с обрубком суковатой палки, затем с настоящим, хоть и ста-

рым, зазубренным мечом, который он с трудом удерживал двумя руками. Фантомы не уставали, не чувствовали страха, не знали пощады. Они были идеальными, безжалостными тренировочными манекенами, каждый раз заставляя его находить новые уловки, использовать неожиданные преимущества своей новой руки, предугадывать движения противника, читать его намерения по едва заметным смещениям энергии. После таких тренировок он падал без сил, покрытый синяками и содранной кожей, его тело гудело от перенапряжения, но глаза... они горели холодным, сосредоточенным огнем. Он учился не просто драться, как деревенский забияка. Он учился выживать. Учился убивать.

Параллельно, словно для контраста, шли уроки травничества. Эти часы, проведенные в глухих, солнечных или, наоборот, сумрачных и влажных уголках леса, были тише, но не менее насыщены и напряжены. Старуха водила его по своим тайным тропам, заставляя не бездумно срывать растения, а «знакомиться» с ними, вступать в диалог.

— Смотри, взглядишь. — Ее сухой палец указывал на неприметную, казалось бы, веточку папоротника. — Видишь, прожилки на листе идут ровно, прямо, к солнцу тянутся, свет изнутри его идет. Это друг. Он и лихорадку снимет и рану затянет. А вон тот. Видишь? — Она кивнула на другой, почти идентичный куст. — Прожилки кривые, в узлы завязались, темные, да и тень от него тягостная, холодная. Это молчаливый убийца. Памятью своих пальцев, и живых, и стальных, запомни разницу. Их запах. Звук, который лист издает на ветру. Их дыхание.

Она учила его не только слепо отличать ядовитое от целебного, но и слышать сам лес, понимать его настроение. Шум листьев был для нее не просто белым шумом, а сложным, многослойным языком. По его тембру, высоте и ритму можно было узнать о приближении грозы или затяжного дождя, о незаметном передвижении крупного зверя, о том, что кто-то чужой, незванный, вошел в чащу.

— Лес никогда не молчит, парень, и он всегда предупреждает тех, кто умеет слушать, — говорила она, заставляя его подолгу сидеть с закрытыми глазами, вслушиваясь в шелест и скрип вековых сосен. — Надо только уши настроить и душу открыть. Ваши горожане, «чистые» да «измененные», на свою технику уповают, радары да сенсоры, а носы и уши свои настоящие разучились поднимать от земли. А зря. Технику можно обмануть. А обмануть запах дождя или тревожный крик сойки — куда сложнее.

Но самой неожиданной и, как ни странно, увлекательной для Буяна стала механика. В углу избушки, под верстаком, стоял большой, пыльный ящик, набитый старыми, сломанными, ржавыми и порой совершенно загадочными механизмами — от карманных часов с позолотой до сложных, хитроумных ловушек, назначение которых он постигал лишь в процессе разборки. Задача была проста, как все гениальное: разобрать до последнего винтика, изучив каждую деталь, а потом собрать обратно так, чтобы мертвый механизм снова заработал, обрел жизнь и цель.

— Чтобы убить чудовище, механическое или из плоти, будь то волк или что похуже, надо прежде всего понимать, как оно устроено изнутри, — говорила Старуха, наблюдая, как Буян, сжав от напряжения губы, с помощью тонких ювелирных инструментов копался в хитросплетении шестеренок и пружин, орудуя своей металлической рукой с невероятной, обретенной упорным трудом точностью. — У каждого, даже самого страшного, есть слабое место. Шестерня, которая перегревается. Приводной ремень, который может соскочить. Найди его, пойми логику жизни, и найдешь способ ее прервать, тогда самый ужасный монстр превратится для тебя просто в предсказуемую кучу беспомощного железа и мяса.

Сначала у него, разумеется, ничего не получалось. Шестеренки отказывались становиться на свои места, пружины выскакивали и терялись в полу, а механизмы после его «ремонта» выглядели еще более мертвыми и разобранными, чем до него. Его охватывало отчаяние, он готов был швырнуть противную железяку об стену. Но постепенно, день за днем, его

пальцы, и живые, и металлические, начали обретать свою собственную память, а ум — проникать в холодную, бездушную, но безупречно логичную суть устройства. Он начал видеть не просто кучу разрозненных деталей, а единый, целостный организм, систему, где каждая мелочь имела свое значение.

По вечерам, когда тело ныло и гудело от усталости, а ум был переполнен до краев новыми знаниями, образами и ощущениями, Буян, сидя у потрескивающего очага, задавал вопросы. Он пытался сложить в голове разрозненные кусочки мозаики, чтобы понять мир, в который его так жестоко бросили.

— Почему «чистые» так нас боятся? — спрашивал он, устало глядя на языки пламени.
— Мы же не делаем им ничего плохого.

— Страх — дитя незнания, парень, — отвечала Велена, не отрываясь от починки какого-то прибора. — Те, кто без железа в теле, не знают, каково это, жить вот так, с постоянным страхом боли или постоянными сомнениями, кто же ты: человек или больше железка говорящая? Да и не нас они боятся, а того, что мы сделать можем. Задумайся, ведь все, кто покупает снадобье у Яг, зависят от них, а вдруг Ягам взбредет приказать своим покупателям убить или покалечить тех, у кого протезов нет? Послушаются их? Конечно послушаются! Ты вот не знаешь, что такое боль от протеза, а остальные-то знают. Чтобы этой боли избежать, они готовы на все! Отец твой мечтал избавить не только измененных людей от зависимости.

— А Бабы-Яги... они все злые? Те, что в городах?

— Зло... оно редко ходит в одной одежде, — с усмешкой, больше похожей на оскал, говорила старуха. — Они... практичные. Циничные. Они продают зависимость, прикрываясь помощью и милосердием. Но истинное знание... оно не должно быть платным товаром за стойкой. Оно должно быть... доступным. Как воздух, которым дышишь. Как вода из лесного родника. Его можно и нужно добывать трудом, но не покупать за покорность. А они продают свободу. Раньше такого не было. Они были хранительницами мудрости, помогали людям. Да, сварливыми были всегда, но никогда не были злыми или жадными до власти. Но время меняет всех.

Но на вопросы о ее собственном прошлом, о том, почему она ушла от Яг, почему живет в глуши одна, словно затворница, старуха почти не отвечала, отделялась парой слов, обрывала его или вовсе уходила в гневное многочасовое молчание, погружаясь в свою работу. Ее прошлое было неприступной крепостью, окруженной рвами молчания, и она не собиралась никого подпускать к нему близко.

И вот однажды, уже ближе к концу первой, проведенной у Велены весны, когда лес окончательно проснулся и зазеленел, случилось маленькое, но очень важное событие. На подоконник раскрытого настежь окна избушки упала, словно подстреленная, маленькая, размером с кулак, механическая птичка. Ее корпус был сделан из полированной латуни и меди, одно крошечное крыло было неестественно вывернуто, и она отчаянно, жалобно билась на месте, пытаясь взлететь, издавая тонкие, щелкающие и шипящие звуки. Буян наблюдал за ней несколько минут, а потом, не говоря ни слова, осторожно взял ее двумя пальцами.

Он отнес ее к верстаку. Велена наблюдала за ним из-за своей дымящейся кружки с отваром, не произнося ни слова, не вмешиваясь. Буян взял самые тонкие инструменты — пинцеты, отвертки размером с иголку. Его металлические пальцы, обычно такие грозные и разрушительные в бою с фантомами, теперь двигались с невероятной, почти нежной точностью. Он чувствовал крошечные вибрации, исходящие от сломанного механизма. Буян аккуратно, миллиметр за миллиметром, выпрямил согнутую проволочку-сухожилие, подправил смещенную крошечную шестеренку в основании крыла, смазал трущиеся части каплей масла. В эти минуты он не думал о мести, о ненависти, о своей боли. Все его существо было сосредоточено на одной цели — починить. Вернуть к жизни. Сделать целым то, что было сломано.

Прошло, может быть, с час. Последняя деталь встала на место с едва слышным шелчком. Он бережно поставил птичку на свою открытую ладонь. Она сидела неподвижно секунду, потом другую, словно заново привыкая к своему телу. Потом резко встряхнулась, ее оптические сенсоры-глазки ярко вспыхнули чистым, сапфировым светом, и она, громко и радостно щелкнув клювом, взмыла в воздух. Покружив под самыми потолочными балками, она выпорхнула в открытое окно и растворилась в сочной зелени просыпающегося леса.

Буян стоял и смотрел ей вслед, и на его лице, впервые за многие месяцы, появилось нечто помимо вечной скорби или готового к извержению гнева. Это было смутное, еще не осознанное и не названное, но уже согревающее и светлое чувство гордости. Не гордыни, а тихой, внутренней уверенности. Он смог. Он смог не только разрушать на тренировках, не только учиться убивать. Он смог починить. Создать. Вернуть к жизни то, что казалось безнадежным. Это открытие было маленьким, как та латунная птичка, но таким же ярким и значимым. Оно стало первой, едва заметной трещиной в монолите его ненависти, первым лучом в кромешной тьме его отчаяния.

Глава 6. Прощальный след

Годы, проведенные в глухом лесу, дали свои плоды. Они не просто залечили раны — они закалили душу и тело, выковав из хлипкого, изломанного горем мальчика нечто новое, твердое и острое, как стальной клинок. Теперь, когда Буян стоял на пороге избышки, его силуэт закрывал лунный свет. Он вытянулся вверх и вширь, его плечи обрели ту грубую, жилистую мощь, что рождается не в комфорте и сытости, а в ежедневной, безжалостной борьбе за право дышать на следующее утро. Его волосы, когда-то мягкие и пушистые, как у любого ребенка, теперь спадали до самых плеч густой, непокорной гривой, спутанной ветром и потом. В этой темной, почти черной массе резко и преждевременно выделялись пряди седины — словно пепел от того самого костра, что поглотил его прошлую жизнь, а потом врос в самую суть его существа. Лоб, скрывающая часть лица, был замотан простой, выцветшая от дождей, яркого солнца и пота кожаная повязка. А то, что оставалось открытым взору, являло собой немую карту былых сражений — тонкие, белые шрамы, подобные трещинам на высохшей земле, пересекали смуглую, обветренную кожу скул, подбородка, надбровных дуг. Его глаза, некогда залитые слезами отчаяния, теперь смотрели на мир с холодностью и отстраненностью, и лишь в самой их глубине, если приглядеться, угадывалась не заживающая, вечно ноющая боль, закаленная в сталь молчаливой яростью.

Его одежда была воплощением практичности и прочности, лишенная каких-либо намеков на роскошь или тщеславие. Местами протертая до дыр кожаная куртка, грубые штаны из плотной холщовой ткани, заправленные в высокие, испачканные грязью и глиной сапоги. Но именно импланты сразу выдавали в нем не просто человека. Теперь поверхность металла не была гладкой и безликой. Ее покрывала тончайшая, ювелирной работы резьба, повторяющая сложные узоры древних славянских оберегов — молнии Перуна, спирали Велеса, символы Ярилы-Солнца и знаки плодородия. Каждый символ, каждая линия вытачивались не ради красоты, они были частью сложной системы, каналом, помогающим ему чувствовать и контролировать свое кибернетическое тело, делая его не чужеродным, холодным придатком, а истинной, живой и послушной частью самого себя. В совокупности с тренировками и упражнениями, эта система символов придавали его железным конечностям невероятную чувствительность и скорость реакции. Велена говорила, что он мог бы обойтись и без этих символов, но Буяну нравилась сложная вязь рисунка на металле, он часто водил по узорам пальцем другой руки, чтобы сосредоточиться и обрести ясность мыслей.

За его правым плечом торчала рукоять тяжелого, добротного меча в простых, сработанных им же самим ножнах. На широком кожаном поясе в специальных гнездах лежало с полдюжины метательных ножей с рукоятками, обмотанными грубой кожей для идеального хвата даже в непогоду.

Этим утром, когда первые лучи солнца только начинали золотить макушки сосен, он возвращался с охоты с походным мешком за спиной. Из чащи он вышел бесшумно, как призрак. Его приход предварял тяжелый, волочащийся по земле, противный скрежещущий звук. Он тащил за собой тушу. Добычу. Это был вепрь, которого улучшали до такой степени, что он превратился в настоящего механизированного исполина, чудовище из стали и плоти размером с небольшую лошадь. Его спина и бока были покрыты причудливым панцирем из ржавых, местами обугленных и посеченных ударами бронепластин, намертво сросшихся с живой тканью. Из огромной оскаленной пасти, помимо отточенных, как бритва, клыков, торчали стальные зазубренные штыри, а его маленькие свиные глазки светились тусклым зловещим красным светом, словно угольки в пепле. Одна из задних механических ног была почти отсечена и болталась на нескольких проводах и жилах, а из перебитых гидравлических шлангов сочилась

маслянистая, дурно пахнувшая жидкость. На боку зияла глубокая рана, нанесенная с нечеловеческой силой и расчетливостью — видимо, именно она и стала причиной гибели твари.

Охота была долгой, изматывающей и смертельно опасной, настоящей проверкой всех навыков, вбитых в него старухой. Буян выслеживал этого вепря три долгих дня, двигаясь против ветра, сливаясь с тенями и практически не спав. Он нашел его первые следы далеко в буреломе — это были четкие, глубокие вмятины, оставленные механическими лапами сложной конструкции, перемешанные с каплями едкой химической жидкости и обрывками щетины на низких колючих ветках. Он шел по ним с тем бесконечным, стоическим терпением, которое была способна вбить в ученика только Велена. Он читал лес как открытую книгу, слушал его многоголосый шепот. Он заметил, как птицы внезапно смолкли на определенном участке старого ельника, как белки беспокойно, без видимой причины перепрыгивали с дерева на дерево. Он уловил в воздухе, помимо запахов хвои и влажной земли, едкий, химический дух горелой изоляции и раскаленного металла — не что иное, как дыхание его добычи, чудовища.

Схватка произошла на заросшей густым папоротником и молодым ольшаником поляне, куда вепрь вышел на водопой. Чудовище, почуяв его, атаковало первым, выскочив из чащи с ревом, больше похожим на лязг и скрежет разрываемого металла, чем на животный звук. Оно было стремительным, неожиданно проворным и чудовищно сильным. Буян не стал принимать лобовую атаку. С феноменальной скоростью и реакцией он скользнул в сторону, и вепрь тараном пролетел мимо, вонзив свои стальные клыки и штыри в мощный ствол вековой сосны с таким треском, что по лесу пронеслось эхо. Пока ослепленное яростью чудовище пыталось вырваться из деревянных тисков, Буян метнул нож. Лезвие со свистом вонзилось в узкую щель между бронепластинами на шее, но не достигло жизненно важных органов, лишь еще больше разъярив зверя. Вепрь, с ревом вырвавшись, рванулся с новой, бешеной силой. Из раскрытой пасти чудовища капала слюна. Буян с небольшим удивлением отметил, что язык кабана был из простой плоти, да и из пасти разило не металлом и дымом, а вполне себе животным зловонием. Значит, под стальными пластинами был скрыт вполне себе настоящий вепрь.

Занялся яростный бой. Отовсюду веяло потом, кровью и гарью. Буян постоянно маневрировал, уворачиваясь от слепых, но сокрушительных налетов, используя деревья как укрытие, заскакивая на низкие ветви и прыгая с них. Он знал, что лобовая атака на эту ходячую крепость бессмысленна: броня была слишком толстой и прочной. Он искал слабое место механизированного зверя. И его взгляд, холодный и расчетливый, в конце концов нашел его — задняя левая нога, ее сложный механический сустав был защищен явно хуже, чем остальные части монстра. Когда вепрь, в очередной раз взрывая землю копытами, ринулся на него, Буян не отпрыгнул, а наоборот, сделал резкий, как бросок змеи, выпад вперед, пригнувшись почти к самой земле. Его меч, занесенный двумя руками, сверкнул в пробивающемся сквозь листву солнце и со всей мощи, на которую был способен Буян, обрушился на уязвимый гидравлический узел. Раздался оглушительный лязг, шипение вырывающегося под давлением пара и жидкости. Механическая лапа отсеклась почти полностью, и вепрь с оглушительным, полным боли и ярости ревом рухнул на бок, потеряв управление.

Но даже искалеченный, он оставался смертельно опасен. Он пытался подняться на оставшихся лапах, брыкаясь и вращаясь на месте, стальные клыки опасно близко пронеслись мимо ног Буяна, рассекая воздух. Тот, сохраняя ледяное, почти бездушное спокойствие, подобрался сбоку, выждал нужный миг, когда бронепластина на боку чуть приподнялась от напряжения мышц, и всадил клинок меча в узкую щель, туда, где, как он предполагал, находился основной энергетический сердечник или блок управления. Раздался глухой, короткий хлопок, красный свет в свинных глазах-сенсорах погас и огромное, еще недавно грозное тело разом обмякло, издав последний, хриплый, пустой выдох.

И вот теперь он стоял перед избушкой, дыша ровно и глубоко, глядя на свою окровавленную, дымящуюся добычу. Он не испытывал ни триумфа, ни радости охотника. Лишь глу-

хое, холодное удовлетворение от хорошо выполненной, пусть и грязной, смертоносной работы. Такова была его рутина. Подтверждение его умений.

Из двери, словно вырастая из самой тени сеней, вышла Старуха. Она почти не изменилась за эти годы — такая же худая, угловатая, суровая, с лицом, вырезанным временем и ветрами из старого мореного дуба. Ее темные, всевидящие глаза оценивающе скользнули по огромной туше вепря, задержались на точном, убийственном ударе в бочину, а затем медленно поднялись на Буяна, изучая его с ног до головы.

— Неплохо, — бросила она коротко, и в ее устах это прозвучало высшей, хоть и скупой похвалой. — Без суеты. Без лишнего шума. Чистая работа.

Она помолчала, глядя на него, и в ее привычно бесстрастном взгляде Буян, к своему удивлению, прочитал нечто новое, незнакомое — странную смесь усталой грусти, гордости и твердой решимости.

— Ладно. Достаточно. — Она произнесла это тихо, но так, что каждое слово вбилося ему в голову намертво. — Больше мне тебя учить нечему. Выжала из тебя все, что могла. Во всяком случае, тут, в этой глуши. Пора тебе.

Она развернулась и скрылась в темноте избышки, чтобы через мгновение вернуться. В одной ее руке был боевой молот отца Буяна — тот самый, «Громовержец», который он помнил с детства. В другой — знакомый, продолговатый сверток, завернутый в вытертую замшу. Слиток.

— Это твое. По праву крови и памяти, — сказала старуха, протягивая молот. Рукоять идеально легла в живую, покрытую шрамами и мозолями ладонь Буяна. Знакомый вес успокаивающе и горько отозвался в самой глубине души. — И это... — Она вручила ему слиток, и он снова ощутил его холодную, живую тяжесть. — Твое по наследству. И по ответственности, что с ним связана. Не потеряй его.

Буян молча принял дары. Молот он повесил на пояс в специальное кольцо, ножны меча торчали за плечом. Слиток, не глядя, сунул за пазуху, в специально сшитый внутренний карман. Напоследок Буян проверил легко ли выходит из ножен меч и бросил взгляд на Велену.

— Иди и отомсти за свою семью, — сказала старуха, и ее голос, всегда такой резкий и сухой, на этот раз прозвучал с неожиданной, сдержанной мягкостью, в которой, однако, слышалась нестигаемая сталь. — Преследуй свою цель. Не сворачивай с пути. Но... — сделала она паузу, заглядывая ему в глаза, словно пытаясь в последний раз достучаться до самого дна его души, — ...не позволяй их памяти, их светлым образам ослепить тебя. Не дай этой черной ненависти, что ты носишь в себе, съесть все, что в тебе осталось от того мальчика, которого они любили. Мир, который твои родители хотели построить с помощью этой штуки, мир без распри и страха... он важнее. Поверь старой карге. Он важнее твоей личной, пусть и праведной, мести. Помни об этом. Хоть изредка. Хотя бы в самые темные ночи.

Буян молча, почти незаметно кивнул. Не потому, что согласился или был готов принять ее слова, а просто потому, что услышал. Его собственная цель, выжженная в сердце темной поляной волчьими глазами, оставалась неизменной и единственной. Он уже развернулся, чтобы уйти, сделать первый шаг в свою новую, настоящую жизнь.

— И, Буян... — его имя на ее устах звучало редко и потому особенно весомо. Он замер, стоя к ней спиной. — Удачи тебе там, на большой земле. Не подведи его. Своего отца. И... меня. Не заставляй меня жалеть о том дне, когда я вытащила тебя с того света.

Он так и не обернулся. Просто вышел за пределы полянки, заросшей лечебными травами и усыпанной деталями старых механизмов, и твердым, безжалостным шагом направился к опушке, где кончался их общий с лесом мир и начиналась большая, пыльная дорога, ведущая к людям и их распрям. Его шаги были уверенными, отекающими, каждый стук подошвы о землю отбивал такт его решимости. И вот, на самом краю, где высокая луговая трава уступала место утопанной, серой грунтовке, он увидел след. Не животный, не человеческий и

даже не след его сегодняшней добычи. Это был четкий, глубокий, свежий отпечаток, оставленный механической лапой сложной, почти органической конструкции. Той самой, что он видел в кошмарах все эти долгие годы. Той самой, что была у железных волков, растерзавших его семью. След был на удивление свежим, будто оставленным от силы час-два назад.

Буян замер на месте. Все его тело: каждая жилка, каждый нерв — напряглись, как тетива. Его холодные и ясные глаза сузились до двух щелочек, и в их глубине вспыхнула ненависть. В этот миг он окончательно перестал быть учеником старухи. Он стал охотником. Охотником на тени прошлого, на призраков, укравших когда-то у него иное будущее и родителей.

Не проронив ни слова, не обернувшись на избушку, бывшей ему за эти десять лет и тюрьмой, и домом, и школой, он ступил на пыльную дорогу. Его высокая одинокая фигура с молотом на поясе и мечом за плечом вскоре растворилась в золотистой утренней дымке, поднимающейся от земли. Его путь, долгий и кровавый, начался.

ЧАСТЬ 2. МИР РАСКОЛОТЫХ ЛЮДЕЙ.

Горнило и боль

Избушка ведьмы, как она сама себя называла, без обиняков и лишних церемоний, стояла на курьих ножках. Ее жилище, похожее, скорее, на хаотичное нагромождение бревен, жестяных листов и засохших веток, была поднята над зыбучей, пузырящейся трясинной на шести механических, сложносоставных ногах, отдаленно напоминающих птичьих. Они были выкованы из полированной, не поддающейся ржавчине бронзы и уходили глубоко в илистое дно, периодически издавая тихие гидравлические вздохи и шипения, корректируя положение избы на неустойчивой почве. Казалось, будто это не жилище, а некое древнее, дремлющее существо, притаившееся на болоте.

Внутри царил организованный хаос, где древнее, почти забытое колдовство соседствовало с продвинутой, пугающе точной механикой. Склянки с мутными зельями, свитки с выцветшими рунами и засушенные головы летучих мышей на грубо сколоченных полках стояли впритык к ящикам, туго набитым блестящими шестеренками, мотками медной проволоки, паяльными лампами и странными пульсирующими кристаллами, которые некто заключил в металлические оправы. Воздух был густым и тяжелым, его можно было почти резать ножом; он был насыщен запахами сушеных трав, болотной гнили, раскаленного металла и чего-то еще, сладковатого и наркотического, — запахом самой магии, что витала здесь, как призрак.

Первые месяцы для Мраака слились в один изматывающий клубок. Ведьма, не церемонясь и не проявляя ни малейших признаков жалости, заставляла его выполнять непосильную, каторжную работу, безжалостно развивая и закаляя его тело, готовя сосуд для той силы, что ему предстояло принять. Эти дни были наполнены болью и потом. Таскание огромных мокрых от болотной слизи камней из одной точки трясинной в другую. Бег по зыбкой, ненадежной почве с грузом за спиной, когда каждый шаг мог стать последним. Лазание по скользким, покрытым мхом стволам деревьев на скорость. Все это подкреплялось горькими, отвратительными на вкус отварами, которые она вливала в него почти насильно. Эти зелья заживляли ссадины и растяжения, притупляли острую боль в мышцах, но вместе с тем Мраак чувствовал: они меняли что-то внутри него. Его тело, несмотря на скудную пищу, крепло, детская припухлость уходила, уступая место рельефным, жилистым мышцам. Но он смотрел на свои руки, на свои ноги и понимал — этой природной силы плоти, ему будет катастрофически мало. Недостаточно, чтобы противостоять тем существам в черных доспехах. Он видел, как они ломали сталь его отца. Его собственные кулаки были против них бессильны.

Однажды вечером, после изнурительного дня, проведенного за чисткой болотного фильтра — сложного механизма, который ведьма использовала для дистилляции каких-то зелий, — он увидел, как она чинит свой собственный протез. Это был не просто крюк или грубая замена. Сложный, многосоставный механизм из темного металла с вкраплениями серебра и меди, заменявший ей левую руку от самого локтя. Она разобрала его на части с помощью инструментов, которые держала в своей живой правой руке, и что-то паяла внутри, отчего по избежке разносился запах канифоли и раскаленного металла. Искры иногда вырывались наружу и падали на руки старухи, а она, не моргнув и глазом, продолжала работать.

— Почему металл? — спросил он, нарушая долгое молчание. Его голос был хриплым от усталости. — Разве магия не сильнее? Разве нельзя было просто... вырастить новую руку?

Ведьма усмехнулась, не отрываясь от работы. Ее усмешка была сухой и безрадостной.

— Магия, дитя, прихотлива и требует дани. Иногда — крови, порой — памяти, часто — кусочка души. Она капризна, как исчезающий болотный огонек. Она может ослепить тебя в самый нужный момент, предать, обратиться против тебя. Сталь же... сталь верна. Она не подведет. Она не знает усталости. Не ведает страха. — Она повернула к нему свое металличе-

ское запястье, и он увидел, как по сложному узору на его поверхности пробегают крошечные, голубоватые искры, словно по нервам. — Я заменила свою руку много зим назад, после того, как культ Яг в ходе одного из набегов отравил мне кровь своим проклятым ядом. Плоть гнила, не помогало ни одно зелье. Я стояла перед выбором: умереть, медленно и мучительно, или отсечь отравленную плоть, чтобы выжить и продолжить борьбу. Я выбрала жизнь. Я выбрала сталь. И ни разу не пожалела.

Эта мысль, холодная и безжалостная, как лезвие бритвы, запала в сознание Мраака, как семя в плодородную, подготовленную почву его горя и ненависти. Он видел, как ведьма одним легким движением металлической руки сгибала железный прут толщиной в его запястье. Видел, как она могла без малейшего усилия удерживать раскаленный докрасна тигель, в котором плескался какой-то странный сплав. Это была та самая сила, о которой он мечтал. Не временная, не обманчивая, а настоящая, неоспоримая, принадлежащая бы ему навсегда.

В тот вечер, когда она закончила починку и с щелчком присоединила кисть к предплечью, заставив пальцы сжаться и разжаться в пробном движении, он подошел к ней с серьезным и решительным выражением лица.

— Я хочу так же, — заявил он, не прося, а констатируя факт. Его голос не дрожал. — Сделай мне такой же. Замени мне руки. Ноги. Все, что нужно, чтобы стать сильнее. Я не боюсь боли. Я уже знаю, что такое боль.

Ведьма медленно повернулась к нему. Ее старые пронзительные глаза изучали его с ног до головы, словно взвешивая каждую его косточку, каждую мышцу.

— Твоя боль далеко не так проста, мальчик, — сказала она тихо. — Это не какая-то там ссадина или перелом. Ты отречешься от себя. От того, кем ты был рожден. Ты больше никогда не будешь прежним. Ты станешь... другим. Люди боятся тех, кто на них не похож, а ты будешь сильно отличаться от них. В глазах зверей. Возможно, даже в своих собственных. Ты готов заплатить эту цену? Чтобы навсегда стать изгоем, вечным скитальцем между двумя мирами, не принадлежащим ни одному из них?

Мраак посмотрел на свои руки. Он представил их сделанными из того же холодного, прочного металла, что и рука ведьмы. Он представил, как этими руками он рвет на куски черные доспехи убийц его семьи. Холодная ярость внутри него, та самая, что не угасала ни на секунду, вспыхнула с новой силой.

— Я уже чудовище, — без тени сомнения или страха в голосе ответил он. — Чудовище, рожденное в огне их злодеяний. Так пусть же у этого чудовища будут железные когти, чтобы разрывать, и стальные ноги, чтобы бегать. Сделай это.

Ведьма смотрела на него еще какое-то время, а потом медленно кивнула. В ее взгляде читалось нечто похожее на уважение, смешанное с тяжелой, старческой грустью.

— Хорошо, — сказала она. — Горнило ждет свою сталь. Приготовься, Мраак. Самое страшное для тебя только начинается.

Глава 7. Чужой среди своих

След был единственной нитью Буяна, путеводной звездой в кромешной тьме незнания. Он шел по нему несколько дней, читая историю на пыльной поверхности тракта, словно монах, изучающий древний манускрипт. Отпечатки механических лап, четкие и глубокие, словно выбитые кем-то намеренно, вели прямо на восток, не сворачивая и не петляя. Иногда они смешивались с хаотичными колеями телег и следами копыт, но Буян, наученный старухой видеть неочевидное, без труда вычленил нужный зловещий рисунок: перепончатые «пальцы» со стальными когтями, характерный пропеллерный след от гидравлики, капля застывшей химической жидкости, блестящая на солнце, как слеза. Эти следы вели напрямиком в сердце княжества — в Светлогорск. За те десять лет, что он прожил у Велены, в городе многое изменилось. «Измененных» из города больше не изгоняли. Князь смирился с присутствием Яг и с тем, что они продавали свое снадобье людям с металлическими частями тел. Смирился, а быть может признал силу культа? Велена предполагала, что у князя просто не осталось выбора: слишком многие были в зависимости от Яг, слишком сильны были ведьмы, слишком богаты, слишком многих могли подкупить, запугать, подчинить себе. И Буян держал путь в столицу.

Логика была железной и неумолимой: где еще можно получить сведения о убийце родителей, как не в шумном городе, куда стекаются путешественники, купцы и просто бродяги из разных мест?

Светлогорск стоял на берегу широкой судоходной реки Светлой, протянувшейся широкой полосой от самых северных земель, до южного моря, которое из-за сильных и затяжных бурь, называли Злым морем.

В шумном порту Светлогорска можно было купить любые товары из любых стран и городов и раздобыть сведения о чем и о ком угодно, было бы чем заплатить за эти знания.

Когда на горизонте, за полями и перелесками, показались сначала густые дымки многочисленных печей, а потом и смутные, но внушительные очертания стен и островерхих башен, сердце Буяна не дрогнуло от восторга или надежды. Оно сжалось, словно кусок льда, в груди в предвкушении новой, на этот раз неясной и куда более изощренной битвы.

Столица встретила его оглушительным грохотом, волной странных запахов и кишасшим людским муравейником. Городские стены из серого, местами покрытого мхом и лишайником камня были высоки и неприступны. Над массивными дубовыми воротами, окованными черным железом, возвышались сторожевые башни, но их грозный вид странно контрастировал с пиками медных труб, из которых валил густой пар, и вращающимися на сложных шарнирах оптическими сенсорами, методично сканирующими всех входящих. Их стеклянные линзы, словно живые глаза, на мгновение остановились на Буяне, и он почувствовал легкое, почти неосознанное покалывание на коже. У ворот, заставленных телегами, возами и нетерпеливой толпой, царил неразбериха. И почти у каждого, будь то человек, лошадь или даже впряженная в повозку собака, виднелись элементы механизации — от простого протеза пальца до сложного усиленного каркаса или мерцающего оптического глаза.

Буян, рослый, мрачный, с молотом за спиной и боевым мечом на виду, сразу привлек внимание, как ворон в стае голубей. Не успел он сделать и десяти шагов по неровной мостовой, выложенной потрескавшимся булыжником, как его путь уверенно преградили двое стражников в потертых кожаных кирасах, поверх которых были надеты странные, шипящие жилеты с медными трубками и мерцающими циферблатами. Их начальник, мужчина лет сорока с залысинами и уставшим, обветренным лицом оценивающе оглядел его с ног до головы. Левую часть его скула и часть челюсти закрывала блестящая металлическая пластина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.